
ТЕОРИЯ

А. В. АНТИПОВА

ВМЕЩАЮЩИЙ ЛАНДШАФТ (географический смысл и эколого-ресурсное содержание)*

Под именем **географического ландшафта** (пейзажа) следует понимать область, в которой характер рельефа, климата, растительного покрова, животного мира, населения и, наконец, культуры человека сливаются в гармоничное целое, типически повторяющееся на протяжении известной (ландшафтной) зоны Земли. В географическом ландшафте все элементы должны воздействовать друг на друга и взаимно обуславливать друг друга.

Л. С. Берг

Вмещающий ландшафт – одно из фундаментальных понятий в системе социоестественной истории (СЕИ), изучающей взаимодействие природы и общества методом анализа конкретных этнических образований (этнос, суперэтнос, субэтнос), которые возникают и развиваются на отдельных территориях и в определенных исторических отрезках времени. И хотя это понятие не совпадает полностью с тем изначальным понятием, которое дано Л. Н. Гумилевым, но содержит и некоторые общие с ним положения.

Рассматривая соотношение этнических образований с той территорией, где они размещаются, Л. Н. Гумилев подчеркивает, «что каждый этнос представляет собой оригинальную форму адаптации человека в биоценозе ландшафта», и называет такой ландшафт не только *вмещающим*, но и *кормящим* ландшафтом. И далее замечает, «что суперэтноты обычно существуют в границах определен

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 97-06-80200.

ных этноландшафтных зон», которые и следует рассматривать как *экологические ниши* этих этнических образований (Гумилев 1990).

Эти основополагающие определения позволяют сказать, что *вмещающий ландшафт* – это пространственная (географическая) компонента СЕИ, которая может и должна детально изучаться методами географического анализа.

Исследуя этнические образования различного ранга, большинство разработчиков СЕИ подчеркивают то огромное значение, которое имеет фактор вмещающего ландшафта для судьбы этносов. Так, Э. С. Кульпин, рассматривая основы СЕИ, пишет: «Прямая и обратная связи во взаимодействии природы и общества с наибольшей силой и в наибольшем объеме проявляются в процессе хозяйственной деятельности людей. Отсюда главные действующие лица СЕИ – Человек Хозяйствующий и Вмещающий Ландшафт – жизненное пространство хозяйствующего человека» (Кульпин 1997). Г. Д. Сухарчук хотя и считает, что главным признаком, определяющим этническую принадлежность людей, являются особенности национального характера, но тут же подчеркивает, что территорию необходимо рассматривать как «непременное и обязательное условие зарождения этноса» (Сухарчук 1997).

Все это свидетельствует о том, что вмещающий ландшафт как территориальный фактор этногенеза подлежит всестороннему изучению. Особого внимания заслуживает географический анализ вмещающего ландшафта, соотносимого с суперэтносом. Рассматривая основные понятия СЕИ, Э. С. Кульпин пишет: «Основное жизненное пространство, изучаемое в СЕИ, – вмещающий ландшафт суперэтноса» (Кульпин 1997), – подразумевая, таким образом, определенную цельность той территории, на которой размещается суперэтнос, и которая обычно представлена территорией отдельного государства. Эту же мысль о единстве вмещающего ландшафта Э. С. Кульпин развивает применительно и к российскому государству – суперэтносу. Он пишет: «Московское государство (XVI в.), развиваясь по экстенсивному пути, превратилось в российское, включая в себя все новые и новые этносы... пока не дошло до естественных границ вмещающего ландшафта суперэтноса...» (Кульпин 1997а). И далее определяет, что «территория до-революционной России – вмещающий ландшафт с четкими грани

цами на севере, востоке, юге и несколько неопределенными (неопределившимися) на западе. Он (вмещающий ландшафт. – А. А.) населен разными этносами, создавшими единое хозяйственное и культурное пространство» (Кульпин 1997а).

Еще более определенно о значении единого вмещающего ландшафта высказывается Ю. В. Олейников, обсуждая проблемы социально-экологических кризисов, которые в системе СЕИ рассматриваются как поворотные пункты (точки бифуркации) в ходе эволюции суперэтносов. Этот автор пишет: «Вмещающий ландшафт российского суперэтноса представляет собой органическую целостность, ограниченную естественными природными рубежами. Это единая, сложная экосистема, нарушение отдельных элементов которой способно возбудить цепную реакцию экологических и социальных проблем на громадной территории». И далее в качестве одного из признаков современного социально-экологического кризиса, переживаемого Россией, Ю. В. Олейников указывает на распад, «дробление единого прежде вмещающего ландшафта» (Олейников 1995; 1998).

Приведенные выше точки зрения заставляют отнестись с наибольшим вниманием по крайней мере к трем моментам, касающимся изучения вмещающего ландшафта как такового и его роли в развитии этнических общностей.

Прежде всего, это положение о целостности, единстве вмещающего ландшафта. В СЕИ в большинстве случаев подразумевается единство территории, занимаемой этническим образованием, в том числе и суперэтносом, без особого указания на пространственную (географическую) дифференциацию и качественные особенности отдельных частей этой территории. Между тем такие крупные государства-суперэтносы, как Россия или США, обладая огромными территориями с резко различными природно-географическими условиями, дают возможность сформироваться в их пределах множеству разных этносов. Единство же территории (вмещающего ландшафта) таких государств обеспечивается отнюдь не единством ландшафта как такового, а единством системы хозяйственного и государственного управления. На это обращает внимание и Э. С. Кульпин (1997а), отмечая, что исключительно важную роль в становлении и развитии российского суперэтноса сыграло государство как система управле

ния территорией и соответственно государственные границы выступали как фактор, ограничивающий и определяющий хозяйственное пространство для суперэтнуса. Из этого следует, что представление о единстве вмещающего ландшафта, особенно в отношении суперэтнуса, следует воспринимать как историческую категорию, изучаемую методами исторического анализа.

Во-вторых, необходимо также отметить, что границы государственных образований могут совпадать, а могут и не совпадать с естественными рубежами, и это также играет определенную роль в жизни суперэтносов. Что же касается природно-географической дифференциации территории суперэтнуса, то разнообразие ее ландшафтов, создающее естественную основу для хозяйственной деятельности отдельных этносов (регионов) и для их взаимодействия и взаимодополнения, осуществляемого в рамках единого государства-суперэтнуса, заслуживает самого тщательного исследования в ходе географического анализа вмещающего ландшафта, который может быть завершен созданием соответствующей карты.

Третьим моментом, который должен привлечь внимание исследователя, является та значительная роль, которую вмещающий ландшафт играет не только в становлении этнических образований, но и в их жизне- и ресурсообеспечении, а также в развитии процессов антропогенезации природы, приводящих к возникновению кризисных экологических ситуаций, по существу решающих судьбы этносов. Этот момент дает основание говорить о необходимости включить в географический анализ вмещающего ландшафта не только рассмотрение природно-ландшафтной дифференциации (геосистемной структуры), но и оценку ее эколого-ресурсного потенциала, а также тех антропогенных изменений, которым подвергается вмещающий ландшафт на всем протяжении исторического периода жизни соответствующего этнического образования.

Имея в виду, что вмещающий ландшафт рассматривается как пространственная и ресурсная категория и, следовательно, подчиняется основным географическим закономерностям Земли, то естественно, что и указанные выше исследования должны базироваться на собственно географических методах, прежде всего на методах ландшафтного и эколого-географического анализа, принятых в современной географии (Преображенский 1998; Кочуров 1997).

Естественно, что общие цели СЕИ требуют, чтобы географический анализ вмещающего ландшафта проводился с учетом тех пространственно-временных параметров, которые являются естественными ограничителями существования изучаемых этнических образований. При этом следует иметь в виду, что, в отличие от СЕИ, само понятие *ландшафт* в системе географических наук имеет значительно более глубокий и точный смысл, а выявление ландшафтной (геосистемной) структуры территории приобретает принципиальное значение, так как все последующие оценки и показатели, характеризующие территорию, оказываются дифференцированными по ландшафтным выделам. Само же определение этих выделов базируется на общих принципах классификации географических ландшафтов.

Приведенное в начале статьи классическое определение, данное Л. С. Бергом (Берг 1915; 1925), максимально четко указывает на комплексную (системную) сущность географического ландшафта и наиболее близко подходит к определению вмещающего ландшафта, рассматриваемого в СЕИ на уровне этноса, то есть той категории, которая обладает, по определению СЕИ, наибольшей степенью единства всех своих составляющих.

В более поздних ландшафтоведческих разработках, принадлежащих А. Г. Исаченко, *ландшафт* рассматривается как базовая единица географического (пространственного) анализа любой территории (Исаченко 1985; 1991). Этот автор также особо подчеркивает сложную, системную структуру ландшафта, который принимается им за основную ступень в иерархии комплексных географических систем (геосистем).

Таким образом, географический ландшафт понимается как генетически единая трехмерная материальная система, включающая в себя разнородные элементы географической оболочки и биосферы Земли, которые, взаимодействуя, получают определенное, системное выражение и на земной поверхности.

Каждая такая геосистема, обладая выраженной индивидуальностью, является однородной по зональным (водно-тепловой баланс, почвенно-растительный покров) и азональным (геолого-геоморфологическая основа территории) признакам и занимает свое место как исходная категория в общей классификационной схеме ландшафтов.

Характерным является обычно и внешний облик ландшафта – те физиономические признаки, которые отличают один ландшафт от другого и могут непосредственно наблюдаться человеком.

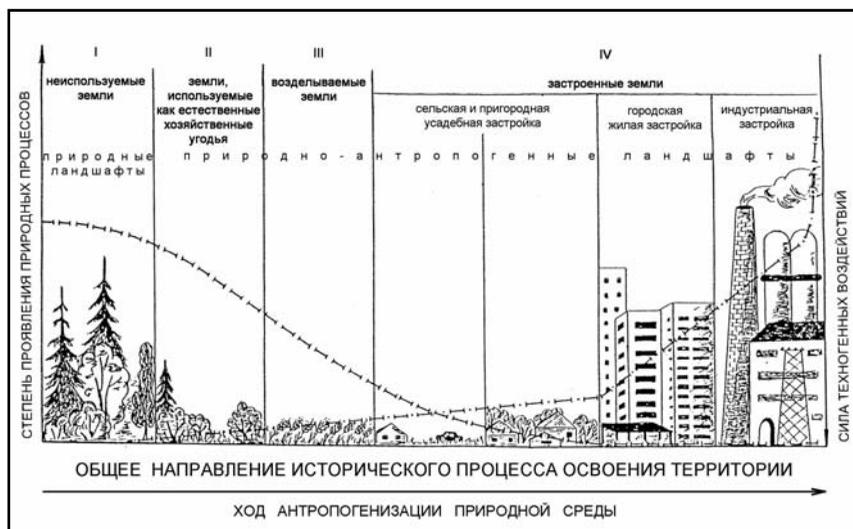

Рис. Основные группы современных ландшафтов (геосистем, земель) по главным типам окружающей среды (I–IV) (по А. В. Антиповой. М.: ИГ РАН, 1995–2005)

Типы окружающей среды:

- I – Естественная среда, природные ландшафты;
- II – Используемая естественная среда, естественные угодья;
- III – Возделываемая среда;
- IV – Техногенная, преимущественно урбанизированная среда.

Рассматривая вмещающий ландшафт как арену взаимодействия человека и природы, осуществляемого на протяжении исторического времени существования этноса, необходимо, вероятно, проанализировать геосистемную (ландшафтную) структуру этой территории в ее реальной динамике, соотношенной с общим процессом антропогенизации природных ландшафтов Земли (см. рис.). При этом

следует учитывать не только общее направление исторического процесса освоения данной территории, но и механизм формирования на ней современных ландшафтов, которые оцениваются как природно-

антропогенные, а точнее, природно-техногенные геосистемы, возникающие на разных этапах развития этнических образований (Антипова 1995; Преображенский, Мухина 1984; Рябчиков 1972).

Сопоставляя понятие *вмещающий ландшафт* с ландшафтными единицами, используемыми в географии, есть основание говорить о некоторых закономерностях территориальной (геосистемной) структуры вмещающих ландшафтов, соотносимых с разными категориями СЕИ.

Наибольшей однородностью геосистемной структуры обладает, по-видимому, вмещающий ландшафт этноса как территория, которая и по своим внешним признакам, и по эколого-ресурсному содержанию способствовала и способствует однотипности хозяйственной деятельности и жизненного уклада этого этнического образования. Несомненно, что многообразие ландшафтов Земли дает возможность формирования этносов и с более сложной структурой хозяйства, что будет связано с большим разнообразием и ресурсным богатством природных условий конкретного вмещающего ландшафта. Несомненно также, что размеры (площадь) этнической территории также находятся в определенной зависимости от природных особенностей вмещающего ландшафта и способа их использования.

Наибольшее разнообразие геосистемной структуры присуще вмещающему ландшафту суперэтноса, о чем уже говорилось выше. И этот признак, по-видимому, следует считать отличительной чертой столь крупного этнического образования. Что касается субэтноса, то вмещающий ландшафт этой этнической категории чаще всего будет соответствовать природно-антропогенным геосистемам локального уровня.

Учитывая, что изучение вмещающего ландшафта в рамках СЕИ, как правило, ведется в достаточно мелком пространственно-временном масштабе, вряд ли целесообразно базировать его геосистемный анализ на выявлении индивидуальных географических ландшафтов, поскольку в пределах таких крупных территорий, как, например, российский суперэтнос, ландшафтных выделов этого ранга насчитываются многие сотни (Исаченко 1985). Гораздо целесообразнее рассматривать принадлежность вмещающего ландшафта

та к более крупным ландшафтными единицам – ландшафтному району, области, провинции. Но, пожалуй, самое важное значение для СЕИ имеет понимание зональной принадлежности вмещающего ландшафта как элемента общей природно-зональной дифференциации земной поверхности, с которой, по существу, связана вся жизнь человека (населения, человечества) во всем ее разнообразии. Именно такой подход позволяет проводить широкое сравнение вмещающих ландшафтов, находящихся на значительном удалении друг от друга как в пространстве, так и во времени. Кроме того, определяя зональную принадлежность вмещающего ландшафта, с большей определенностью можно представить и те естественные возможности, которыми располагает этнос, занимающий этот ландшафт.

В силу того, что объекты СЕИ рассматриваются во временном масштабе тысячелетий, факторами внутренних изменений вмещающего ландшафта могут оказаться не только антропогенные влияния, но и естественные глобальные изменения климата, которые также находят отражение в эволюции зональных границ и в трансформации зональных типов природных ландшафтов, входящих в состав этнических территорий. Палеогеографические данные, которыми располагают обычно исследователи, позволяют провести исторические реконструкции и спрогнозировать будущую ландшафтную структуру таких территорий именно в зональном варианте (Величко 1989; Клименко 1995; Золотокрылин 1986).

Анализ геосистемной структуры вмещающего ландшафта, включая рассмотрение его природно-ландшафтной дифференциации, был бы недостаточно полным без оценки естественного эколого-ресурсного потенциала, который представляет собой важнейшую характеристику *кормящих* возможностей той территории, где обитает изучаемая этническая общность людей. В современных эколого-географических исследованиях естественный эколого-ресурсный потенциал квалифицируется как совокупность тех свойств природного ландшафта, которые являются важнейшими для жизни и ресурсообеспечения человека. От состояния этих экологически значимых свойств природного ландшафта, от их нарушения или утраты, по существу, зависит и общее экологическое состояние территории, включая свойства вмещающего ландшафта (Антипова 1996; 2001).

Поскольку в СЕИ уделяется большое внимание рассмотрению социально-природных экологических кризисов, анализ эколого-ресурсного потенциала вмещающего ландшафта приобретает в этом случае особое значение.

При оценке эколого-ресурсного потенциала прежде всего определяется степень комфортности, или благоприятности, природных условий, имеющих значение непосредственно для существования человека, – собственно **экологический потенциал**. Он зависит главным образом от природно-климатических свойств территории, отвечающих биологическим потребностям организма, и определяется такими показателями, как данные о температурном режиме зимы и лета, годовые амплитуды среднесуточных температур, длительность безморозного периода, длительность периода со снегом, сила ветров, наличие периода с ультрафиолетовой недостаточностью, а также показателями степени пустынности и безводности территории.

Построенные по этим данным карты оценки природных условий жизни населения (Назаревский 1984; Золотокрылин 1992) в целом отражают зональную структуру естественных ландшафтов на территории бывшего СССР, включая вмещающий ландшафт современного российского суперэтноса. Эти карты свидетельствуют, что наилучшими условиями для жизни человека обладают зоны широколиственных лесов, а также лесостепные и отчасти степные ландшафты в западных районах Русской равнины и в Предкавказье. Оптимальный водно-тепловой баланс, характерный для этих типов ландшафта, обеспечивает пышное развитие и достаточную устойчивость древесной и травянистой растительности, а значительное число солнечных дней в году благоприятствует продолжительному пребыванию человека на открытом воздухе.

Вторым элементом природного потенциала территории является вся совокупность естественных ресурсов – возобновляемых и невозобновляемых, – которые обеспечивают хозяйственную жизнь населения в рамках вмещающего ландшафта, превращая его в ландшафт кормящий. Это – собственно **ресурсный потенциал** естественных ландшафтов, дающий основу хозяйственному развитию территории. Оценка такого потенциала на территории современной

России свидетельствует, что исходным показателем для оценки богатства возобновляемых ресурсов служит уровень первичной биопродуктивности естественных ландшафтов, который интегрально отражает мощность ландшафтообразующих процессов, формирующих основу биоресурсов, и косвенно свидетельствует об устойчивости растительного покрова в соответствующем зональном типе ландшафта. Этот общий показатель достаточно легко интерпретируется в частные показатели хозяйственной оценки отдельных видов ресурсов (производительность лесов, продуктивность лугов или с/х земель) и, тем самым, осуществляет известную связь между естественными ландшафтами и их антропогенными модификациями – видами использования земель.

Для полной характеристики ресурсного потенциала в его состав должны быть также включены данные о наличии и запасах минерально-сырьевых ресурсов, которые связаны с геолого-геоморфологической компонентой природных ландшафтов и имеют особо важное значение для современного хозяйства современных этносов. При оценке минерально-сырьевого потенциала территории необходимо обратить внимание на то, что его использование часто вступает в противоречие с использованием биоресурсов той же территории и служит, таким образом, источником возникновения отдельных экологических проблем, иногда перерастающих в кризисные экологические ситуации.

Используя изложенную выше методику при характеристике эколого-ресурсного потенциала вмещающих ландшафтов, принадлежащих различным временным периодам, следует иметь в виду историческую ограниченность представления об объеме естественных ресурсов и природных условий, которые требуются человеку для его жизнеобеспечения. С точки зрения этих требований человека к географической среде в общей форме выделяются три крупных временных периода.

Первый – доисторический, когда происходило становление вида *Homo sapiens* и предки современного человека в своих экологических требованиях ограничивались главным образом биологическими потребностями организма, а их хозяйственная деятельность существовала на уровне собирательства. Оценка вмещающего ланд-

шафта для этого периода может, естественно, ограничиться рассмотрением природных условий жизни человека как такового, опираясь на показатели его адаптивных потребностей к окружающей среде (Панфилов 1974; Алексеева 1977).

Второй период – агротрадиционалистский, когда хозяйственная деятельность человечества, постепенно развиваясь и расширяясь, проходит стадии охоты, скотоводства и земледелия, предъявляя наибольшие требования к возобновимым естественным ресурсам (биоресурсам).

И, наконец, третий – урбаносциентистский период, когда на Земле начинают формироваться обширные урбанизированные ареалы с преобладанием городского промышленного населения, а в оценке эколого-ресурсного потенциала вмещающих ландшафтов первое место начинают занимать минеральные богатства территории, главным образом топливно-энергетическое и металлическое сырье (Андрианов, Доскач 1983).

Рассматривая те же периоды с точки зрения общего процесса взаимодействия природы и общества, Э. С. Кульпин (1997) определяет агротрадиционалистскую эпоху как время активного воздействия природы на общество, а урбаносциентистскую – как период активного воздействия общества на природу. В этом же смысле доисторический период можно определить как период наибольшего и прямого экологического соответствия человеческого сообщества природной (географической) среде.

Исторически обусловленную оценку общего объема эколого-ресурсного потенциала территории рассматривают и экономико-географы. Так, в фундаментальном исследовании по экономической оценке естественных ресурсов отмечается, что «совокупность естественных ресурсов и природных условий, рассматриваемых в их вещной форме, можно назвать природными факторами жизни общества», что «развитие производительных сил ведет к неуклонному увеличению объемов потребляемых ресурсов и еще в большей мере к расширению их *ассортимента*» (Минц 1972).

Такие исторически обусловленные особенности эколого-ресурсного содержания вмещающих ландшафтов, естественно, должны быть учтены при установлении критериев их исторической оценки.

В целом же географический анализ вмещающего ландшафта, раскрывающий природную дифференциацию этой территории и историческое содержание экологических и ресурсных возможностей, которыми она обладает, помогает понять те процессы, которые в ходе исторического развития этносов (суперэтносов) приводят или могут привести эти этнические образования в состояние социально-экологического кризиса, требующего, как указывают исследователи СЕИ, *смены курса* развития. В работах, рассматривающих историю жизни этносов, одной из важнейших причин социально-экологических кризисов признается «изнурение и деградация природных ландшафтов» (Кульпин 1997), или речь идет об относительном перенаселении вмещающего ландшафта (Олейников 1995) как о неспособности сложившейся хозяйственной системы обеспечить потребности растущего населения за счет ресурсов данного вмещающего ландшафта. При такой постановке вопроса результаты географического анализа укладываются в основу оценки экологического состояния вмещающего ландшафта на том или ином историческом этапе его функционирования.

Однако эти данные будут недостаточны без рассмотрения уровня антропогенного преобразования отдельных природно-ландшафтных выделов и вмещающего ландшафта в целом на конкретном историческом отрезке времени – в период развития отдельного этноса (суперэтноса). Обсуждая вопрос об оценке характера и степени антропогенизации природных условий вмещающего ландшафта, целесообразно использовать общую схему исторического процесса освоения территории и иметь в виду следующие моменты.

Во-первых, следует учесть, что на современном этапе общий ход этногенеза в биосфере Земли достиг очень высокого уровня развития, а антропогенизация природы достигает своего максимума в урбанизированных ареалах с городской индустриальной застройкой. Это те природно-антропогенные геосистемы, которые с уверенностью можно рассматривать как вмещающие ландшафты определенного типа этносов. Одновременно на пространстве земного шара существуют и территории, антропогенизированные в значительно меньшей степени и представляющие собой вмещающие ландшафты этносов, находящихся на совершенно ином уровне формирования. Например, многие малочисленные народы Севера,

хозяйственная деятельность которых базируется на оленеводстве, или земледельческое население степных регионов, концентрирующее свои усилия на зерновом хозяйстве. Эти различия и создают значительную пестроту современных вмещающих ландшафтов, которая и должна быть отражена при характеристике этнической картины современного мира.

Во-вторых, рассматривая вмещающий ландшафт в исторической ретроспекции, желательно как можно более точно фиксировать степень его антропогенизации во времени, то есть как на исходном, так и на завершающем этапе развития соответствующего этнического образования (этноса, суперэтноса, субэтноса). Это позволяет проследить процесс перехода природных ландшафтов в природно-антропогенные геосистемы, а также трансформацию жизненно важных природных условий и ресурсов и выявить наиболее уязвимые элементы природной среды, нарушение или утрата которых представляет экологическую опасность для существования этноса.

В-третьих, предложенная общая схема исторического процесса освоения территории дает возможность не только выяснить характер антропогенных преобразований, которые переживает вмещающий ландшафт за весь период существования этноса, но и, выявив тенденции такого преобразования, сделать определенные прогнозные выводы относительно судьбы этого этнического образования в будущем. Это особенно важно при анализе признаков современного социально-экологического кризиса, который все более приобретает глобальный характер и довольно четко отмечается для отдельных стран и регионов мира, в том числе и для российского суперэтноса (Олейников 1995).

Поскольку процессы антропогенизации природного (и вмещающего) ландшафта получают наиболее яркое отражение в структуре и динамике хозяйственного использования территории, то исследование феномена использования земель приобретает важное значение как в географическом, так и в историческом аспекте прогнозирования.

Другим важнейшим результатом географического и исторического изучения системы использования земель является возможность организации управления этой структурой в интересах буду

шего экологического благополучия конкретной территории, вмещающего ландшафта.

На этом, собственно, и основывается идея *устойчивого развития* – *sustainable development*, которая провозглашена в 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро и с тех пор приобрела широкую известность и многочисленных сторонников. Многие страны, включая Россию, активно ведут разработку этой идеи в форме концепций устойчивого развития для конкретных территорий. Для России такая концепция утверждена указом Президента РФ в апреле 1996 г.

Идея устойчивого развития в своей основе предполагает дальнейшее существование человечества и слагающих его этнических образований (этносов, суперэтносов, субэтносов) в режиме сбалансированного использования территории и естественных ресурсов, ограниченного определенными параметрами, которые будут обеспечивать постоянное функционирование природных средо- и ресурсообразующих процессов, благоприятных для жизни человека в рамках определенного гомеостатического коридора (Абдеев 1996: 288–295). Это положение отражает системную сущность самой идеи и относится как в целом к географической оболочке Земли, так и к ее составным частям – природным ландшафтам, регионам, вмещающим ландшафтам отдельных этносов и др.

Естественно предположить, что при разработке научных основ и прогнозных параметров устойчивого развития отдельных территорий, в том числе и вмещающих ландшафтов различных этносов, немаловажную роль должна будет сыграть оценка их естественного эколого-ресурсного потенциала, который определит природные возможности освоения и хозяйственного развития территории, или так называемую хозяйственную емкость земель (*carrying capacity of land*), иначе, их продуктивность по отношению к населению. Такие оценки и позволят установить те показатели-ограничители, в рамках которых дальнейшее развитие этноса и его вмещающего ландшафта может происходить экологически безопасно.

В этом отношении может быть очень интересен опыт Канады (Антипова 1965), которая относится к категории индустриально-аграрных стран и по размерам валового национального продукта (ВНП) занимает одно из ведущих мест среди промышленно разви

тых стран мира. Обладая огромной территорией с очень суровыми природными условиями при сравнительно небольшом населении, Канада интенсивно использует свои богатейшие естественные ресурсы и выступает на мировом рынке крупнейшим поставщиком отдельных видов минерального сырья, древесины, зерновых.

К началу 60-х гг. в Канаде, однако, наметились признаки истощения некоторых природных ресурсов, имеющих важное значение для всей экономики этой страны. И для решения проблем охраны и воспроизводства естественных ресурсов в сложившейся ситуации была созвана национальная конференция, получившая весьма примечательное название – «Ресурсы для будущего» (Resources for Tomorrow Conference, 1961). В материалах этой конференции была дана оценка запасов отдельных видов естественных ресурсов – земель, вод, лесов, пушных и рыбных богатств, а также рассмотрены перспективы их использования на несколько десятилетий вперед. Специально созданная Служба инвентаризации земель (Canada Land Inventory) провела работы по оценке пригодности земель южной части страны. Земли оценивались для таких основных видов использования, как распашка и пастбище, лесное хозяйство и рекреация, а также для разведения дикой фауны (заповедания). В результате этих работ были опубликованы сотни листов крупномасштабных карт, дающих возможность для каждой конкретной территории определить тот вид использования, который в наибольшей степени соответствует ее природному потенциалу.

Это был грандиозный опыт оценки ресурсного потенциала территории в отношении возобновляемых естественных ресурсов. И понятно, что такие оценки имели прямую связь с природно-ландшафтной дифференциацией территории страны как вмещающего ландшафта канадского суперэтноса.

Кроме этих работ, имеющих огромное практическое значение, в 70-е гг. в Канаде также была сделана попытка оценить с привлечением материалов Службы инвентаризации земель общую емкость вмещающего ландшафта страны и, в частности, способность земельных ресурсов поддержать современное и будущее население канадского суперэтноса (Scott 1975: 128–132). Здесь было использовано понятие о потенциальной емкости или продуктивности тер

ритории как способности среды поддерживать жизнь населения на определенном уровне технологии и комфорта. При этом общая емкость территории (среды) рассматривалась как совокупность таких компонентов, как емкость земель, вод и воздуха. В свою очередь, *емкость земель* может пониматься и под углом зрения производства пищи или как возможность снабжения производства минеральным сырьем или источниками энергии, а также как физическое пространство для размещения населения и хозяйственных объектов.

Наиболее уязвимым и важным из этих показателей считается емкость земель по отношению к производству продуктов питания, соотнесенная с количеством населения. Этот расчет и был проведен для территории Канады с целью спрогнозировать соотношение «земля – население» на период 60–80-х годов. Согласно полученным расчетам, в 60-х гг. средняя плотность населения Канады составляла 2,5 чел/км². При расчете на площадь фермерских земель плотность населения достигала 32,6 чел/км², на площадь под продовольственными культурами – 47,4 чел/км², а на площадь улучшенных земель – 51 чел/км². В этих показателях хорошо отражаются природные особенности страны: общая суровость климатических условий и полная непригодность обширных северных земель для сельского хозяйства.

Полученные результаты, основанные на данных 1971 г., свидетельствовали, что продуктивные земли Канады могут обеспечить продовольствием примерно 24 млн жителей, а для прогнозируемого тогда периода 1981–1984 гг. называлась цифра 30,7 млн человек. (По официальным данным в 1990 г. население Канады составило 26,4 млн человек, а к концу 90-х оно приблизилось к 29 млн человек). При этом указывалось на то, что при дальнейшем прогнозировании следует учитывать не только фактор роста населения, но и невозможность увеличения площади сельскохозяйственных земель, а также фактор перевода сельскохозяйственных продуктивных земель в непродуктивные, в частности рост площадей городской застройки. И далее отмечалось, что уровень населения в 30,7 млн человек соответствует верхнему пределу потенциальной продуктивности сельскохозяйственных земель, которыми располагает страна,

и именно на основе этого показателя должна быть построена стратегия управления ростом населения.

Приведенный пример убеждает в том, что географический анализ вмещающего ландшафта, то есть рассмотрение природно-ландшафтной дифференциации, эколого-ресурсного потенциала и характера антропогенезации природы на той территории, где обитает этнос (суперэтнос, субэтнос), имеет огромное значение не только для понимания истории возникновения и особенностей развития этнических образований прошлого, но может сыграть значительную роль в оценке и прогнозировании условий существования современных этносов. Однако при решении прогнозных задач, относящихся к современным этносам и их вмещающим ландшафтам, перед исследователями неизбежно встает ряд вопросов, имеющих принципиальное значение в смысле их глобального масштаба и общефилософского звучания. Эти вопросы можно сформулировать следующим образом:

– рассматривая схему исторического процесса освоения территории, можно ли принять усиливающуюся урбанизацию населения и постоянно увеличивающиеся ареалы урбанизированных территорий за показатель подлинного прогресса всего человечества и отдельных этносов?

– исходя из положения о том, что единственным источником жизнеобеспечения человека на Земле является природа и главным образом возобновляемые естественные ресурсы (воздух, вода, почва, биота), не следует ли предположить, что определенные территории должны навсегда оставаться (и резервироваться) в качестве своего рода плантаций, производящих продукты, нужные человеку, и напрямую связанные с биопродуктивностью естественных ландшафтов или их соответствующих модификаций? Это – земельные и пастбищные угодья, плантации многолетних культур, лесные угодья и лесопосадки, а также охотничьи и рыбопромысловые угодья (озера, реки, морские акватории);

– если с этим можно согласиться, то справедливо ли те страны (этносы, суперэтносы), которые в силу своих природных особенностей несут функции обеспечения других стран и территорий природным сырьем, продуктами и материалами, квалифицировать как

сырьевые придатки? Не являются ли эти страны и этносы равноправными партнерами в общемировом процессе и в системе жизнеобеспечения человека и человечества?

– разрабатывая модель устойчивого развития отдельной территории (этноса и его вмещающего ландшафта), не следует ли признать главнейшим приоритетом установление критериев экологически безопасного использования земель и создание общей схемы (карты) допустимой хозяйственной нагрузки на вмещающий ландшафт? Такие критерии могут быть разработаны на основе нормативного эколого-географического прогноза, который учитывает природно-ландшафтную дифференциацию территории и ее эколого-ресурсный потенциал, соотносенный с населением, чем и определяется та степень хозяйственной (техногенной) нагрузки, при которой минимизируется опасность возникновения экологических конфликтов и кризисных ситуаций (Антипова 1991: 3–9). При этом экологическое состояние каждой природно-антропогенной геосистемы определяется оптимальным соотношением антропогенной нагрузки и природных возможностей, которое практически оказывается справедливым для всех географических условий. В ходе такого нормативного эколого-географического прогнозирования для территории вмещающего ландшафта очень важным критерием окажется определение удельной нормы площади (территории, пространства), рассчитанной на душу населения в соответствии с наиболее приоритетным для данного этноса видом использования земель;

– и наконец, как следует относиться к возникновению очагов городской и индустриальной застройки со значительным количеством пришлого населения, не имеющего исторических связей с окружающими территориями, в тех регионах, которые в большинстве случаев являются вмещающими ландшафтами для малочисленных коренных народов? Эти этносы ведут традиционное хозяйство на базе возобновимых естественных ресурсов (охота, собирательство, оленеводство, рыбный и морской промысел), что, естественно, требует обширных площадей, находящихся практически в естественном или слабо антропогенизированном состоянии. Столь глубокие различия в характере использования земель между коренным и пришлым населением приводят, как правило, к возникновению

очень резких экологических противоречий, имеющих и социально-экономические последствия. Такие ситуации складываются в северных районах Канады, на Аляске, на российском Севере (Норильск, Печорский бассейн и др.) и требуют определенного решения. Как указывает Е. Д. Айпин (газета «Зеленый мир», 1997, № 23, с. 2), малочисленные коренные народы России размещаются на 64 % территории всей страны. По официальным данным, всего таких народов насчитывается около 50, из них 26 имеют статус *коренных малочисленных народов Севера* (Живая Арктика: информ. бюл. 1997: 1/5). Вековые знания и опыт этих народов позволяют им поддерживать на используемых землях определенную *модель устойчивого развития*, базирующуюся на традиционно сбалансированном потреблении природных ресурсов, лимитированном самим наличием этих ресурсов. Очаги же промышленного (главным образом горно-промышленного) освоения, идущего на этих трудных землях с применением мощной техники, являются, по существу, точками возмущения достигнутой здесь устойчивости. И это является основной причиной возникновения острых экологических проблем.

Несмотря на то, что существует значительное количество работ, в той или иной мере касающихся проблемы прогнозирования жизни современных этносов, сколько-нибудь однозначных ответов на поставленные выше вопросы все еще пока нет. А сложный, системный характер всех явлений, связанных с историей развития этносов и их вмещающих ландшафтов, заставляет предполагать, что такие ответы могут быть найдены в ходе дальнейших комплексных работ по социоприродной истории, которые синтезируют данные многих наук, и включают в виде самостоятельного блока исследования вмещающего ландшафта, проводимые с позиций исторического и географического анализа.

Литература

Абдеев, Р. Ф., Мещеряков, М. М. 1996. Методология устойчивого развития и пути его реализации в условиях России. *Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика. Материалы международной конференции*. Т. 1 (с. 288–295). М.

Алексеева, Т. И. 1977. *Географическая среда и биология человека*. М.

Андрианов, Б. В., Доскач, А. Г. 1983. Хозяйственно-культурная дифференциация народов мира и географическая среда. *Природа* 4: 44–53.

Антипова, А. В.

1965. *Канада. Природа и естественные ресурсы*. М.: Мысль. 320 с.

1991. Нормативный эколого-географический прогноз как основа организации рациональной структуры природопользования. *Материалы Всесоюзной научной конференции «Проблемы организации территории регионов нового освоения»* Ч. 3 (с. 3–9). Хабаровск.

1995. Социоестественная история и география: антропогенные преобразования природных зон и ландшафтов. *Лик сфинкса. Социоестественная история*. Вып. VI (с. 9–24). М.

1996. Эколого-ресурсный потенциал России и США. *Человек и природа. Социоестественная история* (с. 60–68). Вып. 8. М.

2001. *География России. Эколого-географический анализ территории*. М.: МНЭПУ. 208 с.

Берг, Л. С.

1915. Предмет и задачи географии. *Известия РГО*. Т. 51. Вып. 6.

1925. География и ее положение в ряду других наук. *Вопросы страноведения: сборник*. М. – Л.

Величко, А. А. 1989. Эволюционный анализ современной ландшафт-ной оболочки Земли и прогноз. *Четвертичный конгресс* 1. М.

Гумилев, Л. Н. 1990. *Этногенез и биосфера Земли*. Л.

Золотокрылин, А. Н., и др.

1986. Колебания климата Европейской части СССР в историческом прошлом. *Известия АН СССР. Сер. геогр.* 1.

1992. Районирование территории России по степени экстремальности природных условий для жизни. *Известия РАН. Сер. геогр.* 6: 16–30.

Исаченко, А. Г.

1985. *Ландшафты СССР*. Л.

1991. *Ландшафтоведение и физико-географическое районирование*. М.: Высшая школа. 366 с.

Клименко, В. В. 1995. Экология, климат и историческая перспектива России. *Общественные науки и современность* 1: 99.

Кочуров, Б. И. 1997. *География экологических ситуаций (экодиагностика территорий)*. М. 131 с.

Кульпин, Э. С.

1997. Социоестественная история: три источника и три составные части. *Зеленый мир* 8.

1997а. Россия: экономика и мировоззрение. *Билль о правах человека и природы. Социоестественная история*. Вып. IX. М.

Мицц, А. А. 1972. *Экономическая оценка природных ресурсов*. М.: Мысль. 301 с.

Назаревский, О. Р. 1984. *Карта оценки природных условий жизни населения, 1:8 млн.* М.: ГУГК.

Олейников, Ю. В.

1995. Экологический фактор современной социоестественной истории России. *Лик сфинкса. Социоестественная история*. Вып. VI. М.

1998. Природный фактор геополитической стратегии России. *Зеленый мир* 11.

Панфилов, Д. В. 1974. Характеристика адаптивных потребностей человека с точки зрения литоральной концепции антропогенеза. *Теория и методика географических исследований экологии человека: сборник* (с. 157–161). М.

Преображенский, В. С., и др. 1998. *Основы ландшафтного анализа*. М.: Наука.

Преображенский, В. С., Мухина, Л. И. 1984. Современные ландшафты как природно-антропогенные системы. *Известия АН СССР. Сер. геогр.* 1: 19–27.

Рябчиков, А. М. 1972. *Структура и динамика геосферы, ее естественное развитие и изменение человеком*. М.: Мысль. 222 с.

Сухарчук, Г. Д. 1997. Эволюция биосферы и этнос. *Билль о правах человека и природы. Социоестественная история*. Вып. IX. М.

Scott, J. F. 1975. Relationship between land and population: A note on Canada's carrying capacity. *Geogr. ann.* B 57. No 2: 128–132.